

Эпос о Гильгамеше

О всё выдавшем

Таблица I

О все выдавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все
проницавшем
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и

смирися,
Рассказ о трудах на камне высек,
Стеною обнес Урук^[1]
Светлый амбар Эаны^[2] священной. —
Осмотри стену, чьи венцы, как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар^[3]
Даже будущий царь не построит такого, —
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основание, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?
(Далее недостает около тридцати стихов.)
На две трети он бог, на одну — человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
(Далее недостает четырех стихов.)
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных, —
Все его товарищи встают по барабану!
По спальням страшатся мужи Урука:
«Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью:
Гильгамеш ли то, пастырь огражденного Урука,
Он ли пастырь сынов Урука,
Мощный, славный, все постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивали боги,
Боги небес призвали владыку Урука:

«Создал ты буйного сына, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных, —
Все его товарищи встают по барабану,
Отцам Гильгамеш сыновей не оставит!
Днем и ночью буйствует плотью:
Он ли – пастырь огражденного Урука,
Он ли пастырь сынов Урука,
Мощный, славный, всё постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивал Ану.
Воззвали они к великой Аруру:
«Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,

Пусть соревнуются, Урук да отдыхает».
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила Энкиду, создала героя.
Порожденье полуночи, воин Нинурты,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радуется водою.
Человек – ловец-охотник
Перед водопоем его встречает.
Первый день, и второй, и третий
Перед водопоем его встречает.
Увидел охотник – в лице изменился,
Со скотом своим домой вернулся,
Устрашился, умолк, онемел он,
В груди его – скорбь, его лик затмился,
Тоска проникла в его утробу,
Идущему дальним путем стал лицом подобен^[4]
Охотник уста открыл и молвит, вещает он отцу своему:
«Отец, некий муж, что из гор явился, —
Во всей стране рука его могуча,

Как из камня с небес крепки его руки, —
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь
степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!»
Отец его уста открыл и молвит, вещает он
охотнику:
«Сын мой, живет Гильгамеш в Уруке,
Нет никого его сильнее,

Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Иди, лицо к нему обрати ты,
Ему расскажи о силе человека.
Даст тебе он блудницу — приведи ее с собою.
Победит его женщина, как муж могучий!
Когда он поит зверье у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, —
Увидев ее, приблизится к ней он —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне!»
Совету отца он был послушен,
Охотник отправился к Гильгамешу,
Пустился в путь, стопы обратил к Уруку,
Пред лицом Гильгамеша промолвил слово.
«Некий есть муж, что из гор явился,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!»
Гильгамеш ему вещает, охотнику:
«Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи с собою,
Когда он поит зверей у водопоя,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, —
Ее увидев, к ней подойдет он —

Покинут его звери, что росли с ним в пустыне.»
Пошел охотник, блудницу Шамхат увел с собою,
Отправились в путь, пустились в дорогу,
В третий день достигли условленного места.
Охотник и блудница сели в засаду —
Один день, два дня сидят у водопоя.
Приходят звери, пьют у водопоя,
Приходят твари, сердце радуют водою,
И он, Энкиду, чья родина – горы,
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,

Вместе с тварями сердце радует водою.
Увидала Шамхат дикаря-человека,
Мужа-истребителя из глуби степи:
«Вот он, Шамхат! Раскрой свое лоно,
Свой срам обнажи, красоты твои да постигнет!
Увидев тебя, к тебе подойдет он —
Не смущайся, прими его дыханье,
Распахни одежду, на тебя да ляжет!
Дай ему наслажденье, дело женщин, —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне,
К тебе он прильнет желанием страстным».
Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Не смущалась, приняла его дыханье,
Распахнула одежду, и лег он сверху,
Наслажденье дала ему, дело женщин,
И к ней он прильнул желанием страстным.
Шесть дней миновало, семь дней миновало —
Неустанно Энкиду познавал блудницу.
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав Энкиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил Энкиду, – ослабели мышцы,
Остановились ноги, – и ушли его звери.
Смирился Энкиду, – ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разумением глубже, —
Вернулся и сел у ног блудницы,
Блуднице в лицо он смотрит,
И что скажет блудница, – его слушают уши.
Блудница ему вещает, Энкиду:
«Ты красив, Энкиду, ты богу подобен, —
Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
Давай введу тебя в Урук огражденный,

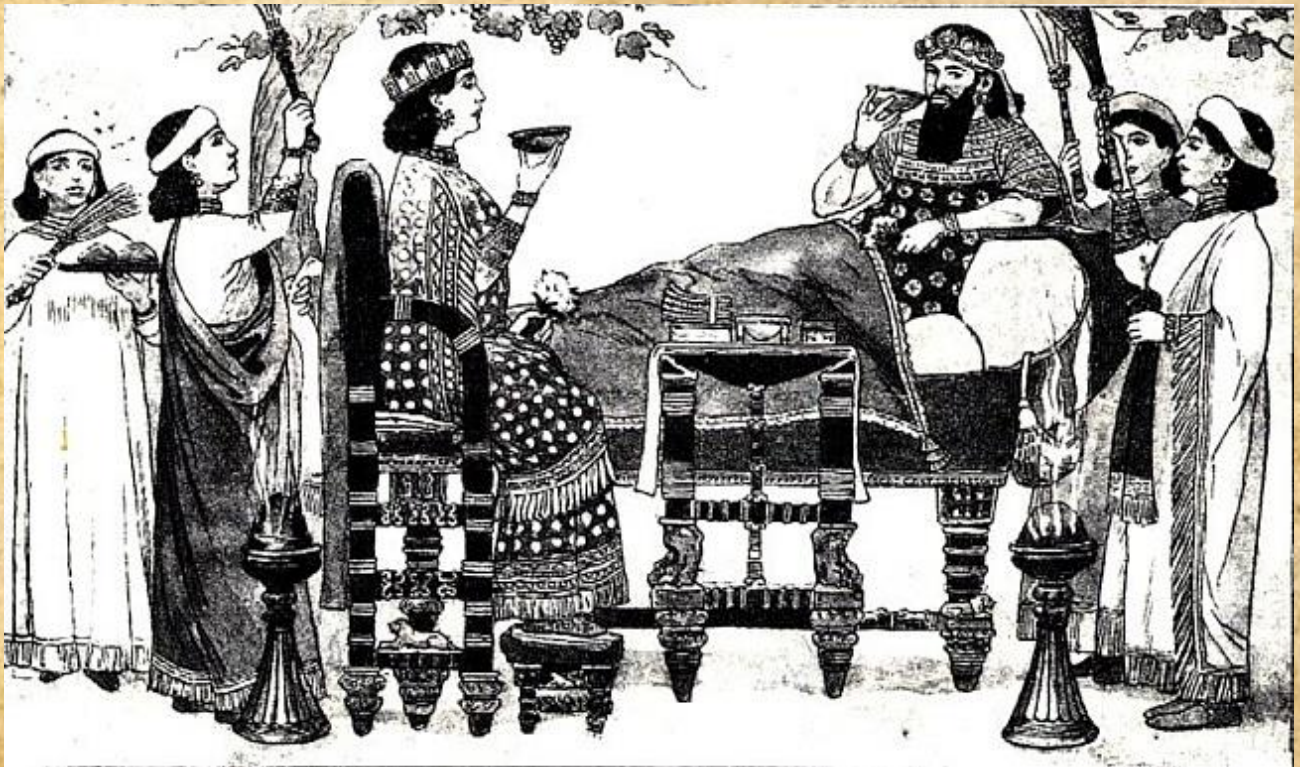

К светлому дому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!»
Сказала – ему эти речи приятны,
Его мудрое сердце ищет друга.
Энкиду ей вещает, блуднице:
«Давай же, Шамхат, меня приведи ты
К светлому дому святому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям.
Я его вызову, гордо скажу я,
Закричу средь Урука: я – могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден, – велика его сила!»
«Пойдем, Энкиду, лицо обрати к Уруку, —
Где бывает Гильгамеш – я подлинно знаю:

Поедем же, Энкиду, в Урук огражденный,
Где гордятся люди царственным платьем,
Что ни день, то они справляют праздник,
Где кимвалов и арф раздаются звуки,
А блудницы, красотою славны:
Сладострастьем полны, – сулят отраду —
Они с ложа ночного великих уводят.
Энкиду, ты не ведаешь жизни, —
Покажу Гильгамеша, что рад стенаньям.
Взгляни на него, в лицо погляди ты —
Прекрасен он мужеством, силой мужскою,
Несет сладострастье всё его тело,
Больше тебя он имеет мощи,
Покоя не знает ни днем, ни ночью!
Энкиду, укроти твою дерзость:
Гильгамеш – его любит Шамаш^[5]
Ану, Элليل^[6] вразумили.
Прежде чем с гор ты сюда явился,
Гильгамеш среди Урука во сне тебя видел.
Встал Гильгамеш и сон толкует,
Вещает он своей матери:
„Мать моя, сон я увидел ночью:
Мне явились в нем небесные звезды,
Падал на меня будто камень с неба.
Поднял его – был меня он сильнее,
Тряхнул его – стряхнуть не могу я,
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,

Народ к нему толпою теснится,
Все мужи его окружили,
Все товарищи мои целовали ему ноги.
Полюбил я его, как к жене прилепился.
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравняла со мною“.
Мать Гильгамеша мудрая, – все она знает, – вещает она своему господину,
Нинсун мудрая, – все она знает, – вещает она Гильгамешу:
„Тот, что явился, как небесные звезды,
Что упал на тебя, словно камень с неба, —
Ты поднял его – был тебя он сильнее,
Тряхнул его – и стряхнуть не можешь,
Полюбил его, как к жене прилепился,
И к ногам моим его принес ты,
Я же его сравняла с тобою —
Сильный придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки, —
Ты полюбишь его, как к жене прильнешь ты,
Он будет другом, тебя не покинет —
Сну твоему таково толкованье“.
Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
„Мать моя, снова сон я увидел:
В огражденном Уруке топор упал, а кругом толпились:
Край Урука к нему поднялся,

Против него весь край собрался,
 Народ к нему толпою теснится, —
 Полюбил я его, как к жене прилепился,
 И к ногам твоим его принес я,
 Ты же его сравнила со мною“.
 Мать Гильгамеша мудрая, — все она знает, — вещает она своему сыну,
 Нинсун мудрая, — все она знает, — вещает она Гильгамешу:
 „В том топоре ты видел человека,
 Ты его полюбишь, как к жене прильнешь ты,
 Я же его сравню с тобою —
 Сильный, я сказала, придет сотоварищ, спаситель Друга.
 Во всей стране рука его могуча,
 Как из камня с небес, крепки его руки!“
 Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
 „Если. Эллиль повелел — да возникнет советчик,
 Мне мой друг советчиком да будет,
 Я моему другу советчиком да буду!“
 Так свои сны истолковал он».
 Рассказала Энкиду Шамхат сны Гильгамеша, и оба стали любиться.

Таблица II

(В начале таблицы «Ниневийской» версии недостает — если не считать маленьких обломков с клинописью — около ста тридцати пяти строк, содержащих эпизод, который в «Старовавилонской версии — так называемой „Пеннсильванской таблице“ — излагается так:

- * „...Энкиду, встань, тебя поведу я
- * К храму Эане, жилищу Ану,

Где Гильгамеш совершенен в деяньях.

* А ты, как себя, его полюбишь!

* Встань с земли, с пастушьего ложа!“

* Услыхал ее слово, воспринял речи,

* Женщины совет запал в его сердце.

* Ткань разорвала, одной его одела,

* Тканью второю сама оделась,

* За руку взяв, повела, как ребенка,

* К стану пастушьему, к скотьям загонам.

* Там вокруг них пастухи собралися,

Шепчут они, на него взирая:

„Муж тот с Гильгамешем сходен обличьем,

Ростом пониже, но костью крепче.

То, верно, Энкиду, порожденье степи,

Во всей стране рука его могуча,

Как из камня с небес, крепки его руки:

* Молоко звериное сосал он!“

* На хлеб, что перед ним положили,

* Смутившись, он глядит и смотрит:

* Не умел Энкиду питаться хлебом,

* Питью сикеры обучен не был.

* Блудница уста открыла, вещает Энкиду:

* „Ешь хлеб, Энкиду, – то свойственно жизни

* Сикеру пей – суждено то миру!“

* Досыта хлеба ел Энкиду,
 * Сикеры испил он семь кувшинов.
 * Взыграла душа его, разгулялась,
 * Его сердце веселилось, лицо сияло.
 * Он ощупал свое волосатое тело,
 * Умастился елеем, уподобился людям,
 * Одеждой оделся, стал похож на мужа.
 * Оружие взял, сражался со львами —
 * Пастухи покоились ночью.
 * Львов побеждал и волков укрощал он —
 * Великие пастыри спали:
 * Энкиду – их стража, муж неусыпный.
 Весть принесли в Урук огражденный
 Гильгамешу:
 (Далее в Старовавилонской» версии недостает
 около пяти-шести стихов.)
 * Энкиду с блудницей предавался веселью,
 * Поднял взор, человека видит, —
 * Вещает он блуднице:

* «Шамхат, приведи человека!
 * Зачем он пришел? Хочу знать его имя!»
 * Кликнула, блудница человека,
 * Тот подошел и его увидел.
 * «Куда ты, о муж, поспешаешь? Для чего поход твой
 трудный?»
 * Человек уста открыл, вещает Энкиду:
 * «В брачный покой меня позвали,
 * Но удел людей – подчиненье высшим!
 * Грузит город кирпичом корзины,
 * Пропитанье города поручено хохотуньям,
 * Только царю огражденного Урука
 * Брачный покой открыт бывает,
 * Только Гильгамешу, царю огражденного Урука,
 * Брачный покой открыт бывает, —
 * Обладает он суженой супругой!
 * Так это было; скажу я: так и будет,
 * Совета богов таково решение,
 * Обрезая пуповину, так ему судили!»
 * От слов человека
 лицом побледнел он.

(Недостаёт около пяти стихов.)

* Впереди идет Энкиду, а Шамхат сзади,
 (Далее сохранился отрывок из основной «Ниневийской» версии.)
 Вышел Энкиду на улицу огражденного Урука:

«Назови хоть тридцать могучих, – сражусь я с ними!»

В брачный покой преградил дорогу.

Край Урука к нему поднялся,

Против него весь край собрался,

Народ к нему толпою теснится,

Мужи вокруг него собрались,

Как слабые ребята, целуют ему ноги:

«Прекрасный отныне герой нам явился!»

Было в ту ночь для Ишхары постелено ложе,

Но Гильгамешу, как бог, явился соперник:

В брачный покой Энкиду дверь заградил ногою,

Гильгамешу войти он не дал.

Схватились в двери брачного покоя,

Стали биться на улице, на широкой дороге, —

Обрушились сени, стена содрогнулась.

* Преклонил Гильгамеш на землю колено,

* Он смирил свой гнев, унял свое сердце

* Когда унялось его сердце, Энкиду вещает Гильгамешу:

* «Одного тебя мать родила такого,

* Буйволица Ограды, Нинсун!

* Над мужами главою ты высоко вознесся,

* Эллиль над людьми судил тебе царство!»

(Из дальнейшего текста II таблицы в «Ниневийской» версии опять сохранились лишь ничтожные отрывки; ясно лишь, что Гильгамеш приводит своего друга к своей матери Нинсун.)

«Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Благослови его быть мне братом!»
Мать Гильгамеша уста открыла, вещает своему господину,
Буйволица Нинсун вещает Гильгамешу:

«Сын мой,

Горько»

Гильгамеш уста открыл и матери своей вещает:

«.....»

Подошел он к дверям, вразумил меня мощью»

Горько упрекал он меня за буйство.

Не имеет Энкиду ни матери, ни друга,

Распущенные волосы никогда не стриг он,

В степи он рожден, с ним никто не сравните

Стоит Энкиду, его слушает речи,

Огорчился, сел и заплакал,

Очи его наполнились слезами:

Без дела сидит, пропадает сила.

Обнялись оба друга, сели рядом,

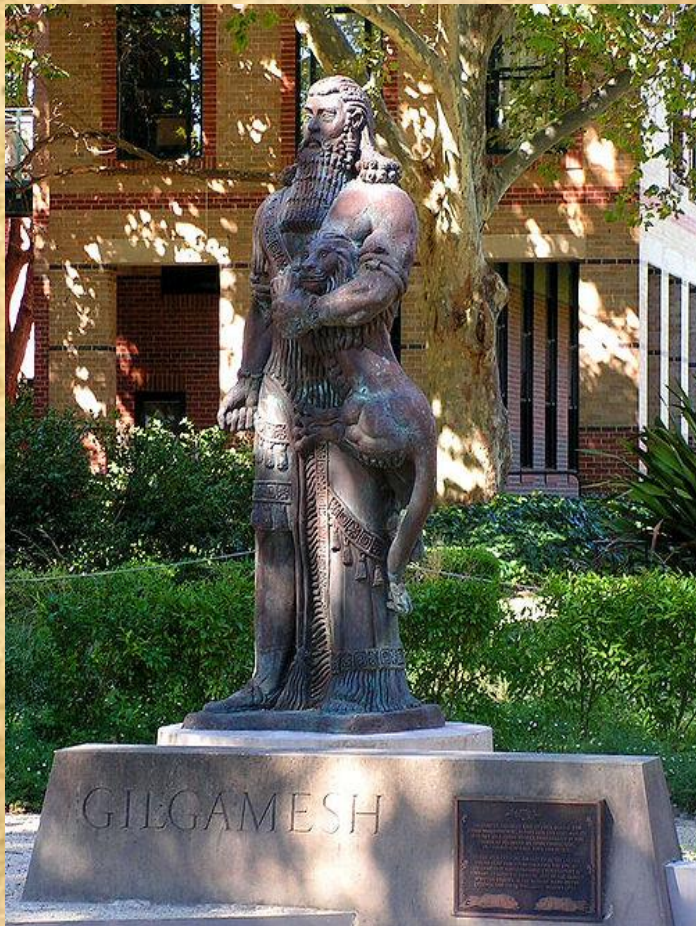
За руки взялись, как братья родные.

(Далее содержание может быть восстановлено по III, так называемой «Йэльской» таблице «Старовавилонской» версии)

* Гильгамеш наклонил. лицо, вещает Энкиду:

* «Почему твои очи наполнились слезами,

* Опечалилось сердце, вздыхаешь ты горько?»

Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

- * «Вопли, друг мой, разрывают мне горло:
- * Без дела сию, пропадает сила».

Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:

- * «Друг мой, далеко есть горы Ливана,
- * Кедровым те горы покрыты лесом,
- * Живет в том лесу свирепый Хумбаба^[7]
- * Давай его вместе убьем мы с тобою,
- * И все, что есть злого, изгоним из мира!
- * Нарублю я кедра, – поросли им горы, —
- * Вечное имя себе создам я!»
- * Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
- * «Ведомо, друг мой, в горах мне было,
- * Когда бродил со зверьем я вместе:
- * Рвы там на поприще есть вокруг леса, —
- * Кто же проникнет в средину леса?
- * Хумбаба – ураган его голос,
- * Уста его – пламя, смерть – дыханье!
- * Зачем пожелал ты свершать такое?
- * Неравен бой в жилище Хумбабы!»
- * Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:
- * «Хочу я подняться на гору кедра,

* И в лес Хумбабы войти я желаю,
(Недостает двух-четырех стихов.)
* Боевой топор я на пояс повешу —
* Ты иди сзади, я пойду перед тобою!»)))
* Энкиду уста открыл, вещает
Гильгамешу:
* «Как же пойдем мы, как в лес мы
вступим?
* Бог Вэр, его хранитель, — он могуч,
неусыпен,
* А Хумбаба — Шамаш наделил его
силой,
* Адду наделил его отвагой,
*

Чтоб кедровый лес оберегал он,
Ему вверил Эллиль страхи людские.
Хумбаба — ураган его голос,
Уста его — пламя, смерть — дыханье!

Люди молвят — тяжек и путь к тому лесу —

Кто же проникнет в середину леса?

Чтоб кедровый лес оберегал он,

Ему вверил Эллиль страхи людские,

И кто входит в тот лес, того слабость объемлет».

* Гильгамеш уста открыл, вещает Энкиду:

* «Кто, мой друг, вознесся на небо?

* Только боги с Солнцем пребудут вечно,

* А человек — сочтены его годы,

* Что б он ни делал, — все ветер!

* Ты и сейчас боишься смерти,

* Где ж она, сила твоей отваги?

Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: „Иди, не бойся!“

* Если паду я — оставлю имя:

* „Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!“

* Но родился в моем доме ребенок, —

* К тебе подбежал: „Скажи мне, все ты знаешь:

*

* Что совершил мой отец и друг твой?“

* Ты ему откроешь мою славную долю!

*

* А своими речами ты печалишь мне сердце!

* Подниму я руку, нарублю я кедра,

* Вечное имя себе создам я!

* Друг мой, мастерам я дам повинность:

- * Оружие пусть отольют перед нами».
- * Повинность мастерам они дали, —
- * Сели мастера, обсуждают.
- * Секиры отлили большие, —
- * Топоры они отлили в три таланта;
- * Кинжалы отлили большие, —
- * Лезвия по два таланта,
- * Тридцать мин выступы по сторонам у лезвий,
- * Тридцать мин золота, — рукоять кинжала, —
- * Гильгамеш и Энкиду несли по десять талантов.
- * С ворот Урука сняли семь запоров,
- * Услыхав о том, народ собрался,
- * Столпился на улице огражденного Урука.
- * Гильгамеш ему явился,
- Собрание огражденного Урука перед ним уселось.
- * Гильгамеш так им молвит:
- * «Слушайте, старейшины огражденного Урука,
- * Слушай, народ огражденного Урука,
- * Гильгамеша, что сказал: хочу я видеть,
- * Того, чье имя опалает страны.
- * В кедровом лесу его хочу победить я,
- * Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да услышит!
- * Подниму я руку, нарублю я кедра,
- * Вечное имя себе создам я!»
- * Старейшины огражденного Урука
- * Гильгамешу отвечают такую речью:

* «Ты

юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,

* Сам ты не ведаешь, что совершаешь!

* Мы слыхали, – чудовищен образ Хумбабы, —

* Кто отразит его оружие?

* Рвы там на поприще есть вокруг леса, —

* Кто же проникнет в середину леса?

* Хумбаба – ураган его голос,

* Уста его пламя, смерть – дыханье!

* Зачем пожелал ты свершать такое?

* Неравен бой в жилище Хумбабы!»

* Услыхал Гильгамеш советников слово,

* На друга он, смеясь, оглянулся:

* «Вот что теперь скажу тебе, друг мой, —

* Боюсь я его, страшусь я сильно:

* В кедровый лес пойду я с тобою,

* Чтоб там не

бояться – убьем Хумбабу!»

* Старейшины Урука вещают Гильгамешу:

* «.....

*

* Пусть идет с тобой богиня, пусть хранит тебя бог твой,

* Пусть ведет тебя дорогой благополучной,

* Пусть возвратит тебя к пристани Урука!»

* Перед Шамашем встал Гильгамеш на колени:

* «Слово, что сказали старцы, я слышал, —

* Я иду, но к Шамашу руки воздел я:

* Ныне жизнь моя да сохранится,

* Возврати меня к пристани Урука,

* Сень твою прости надо мною!»

(В «Старовавилонской» версии следует несколько разрушенных стихов, из которых можно предположить, что Шамаш дал двусмысленный ответ на гаданье героев.)

- * Когда услышал предсказанье —
- * он сел и заплакал,
- * По лицу Гильгамеша побежала слезы.
- * «Иду я путем, где еще не ходил я,
- * Дорогой, которую весь край мой не знает.
- * Если ныне я буду благополучен,
- * В поход уходя по доброй воле, —
- * Тебя, о Шамаш, я буду славить,
- * Твои кумиры посажу на престолы!»
- * Было положено пред ним снаряженье,
- * Секиры, кинжалы большие,
- * Лук и колчан — их дали ему в руки.
- * Взял он топор, набил колчан свой,
- * На плечо надел он лук аншанский,
- * Кинжал заткнул он себе за пояс, —

Приготовились они к походу.

(Следуют две неясные строки, затем две соответствующие несохранившейся первой строке III таблицы «Ниневийской» версии.)

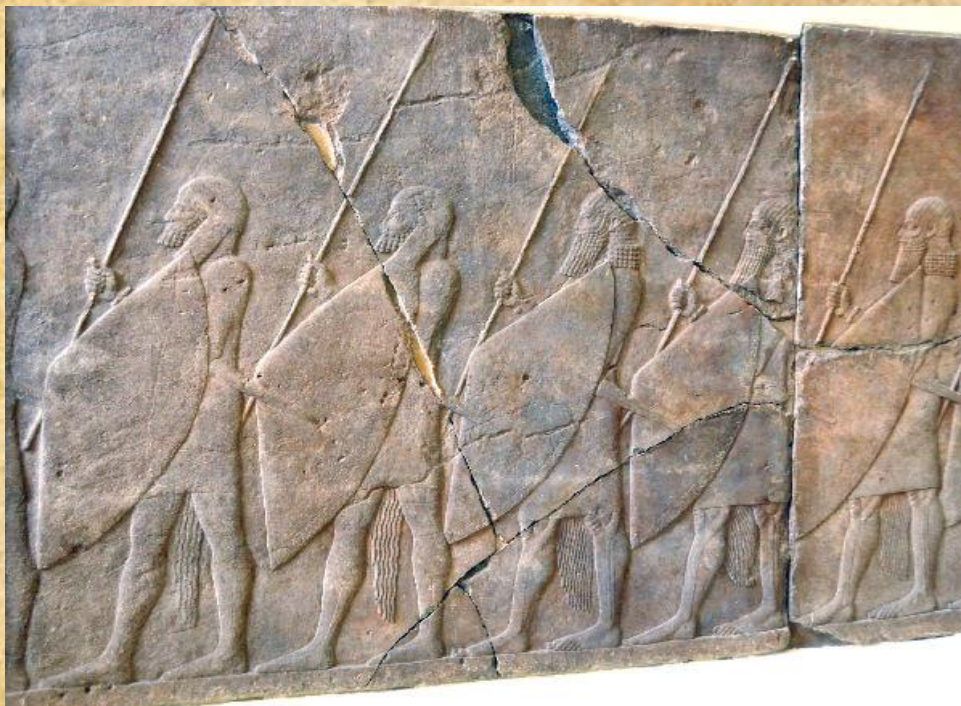
Таблица III

- * Старейшины его благословляют
- * На дорогу Гильгамешу дают советы:

«Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
Лицом будь спокоен, ударяй же верно;
Впереди идущий сотоварища спасает:
Кто ведал тропы, сохранил он друга;
Пускай Энкиду идет пред тобою, —
Он знает дорогу к кедровому лесу,
Битвы он видел, бой ему введом.
Энкиду, береги сотоварища, храни ты
друга,
Через рытвины носи на руках его тело;
Мы в совете тебе царя поручаем,
Как вернешься ты – нам царя поручишь!»
Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает
он Энкиду:
«Давай, мой друг, пойдем в Эгальмах
Пред очи Нинсун, царицы великой!
Нинсун мудрая, – все она знает, —

Путь разумный нашим стопам установит!»
За руки взялись они друг с другом,
Гильгамеш и Энкиду пошли в Эгальмах
Пред очи Нинсун, царицы великой.
Вступил Гильгамеш в покой царицын:
«Я решился, Нинсун, идти походом,
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
В бою неведомом буду сражаться,
Путем неведомым буду ехать.
Пока я хожу, и назад не вернулся,
Пока не достигну кедрового леса,
Пока мной не сражен свирепый Хумбаба,
И все, что есть злого, не изгнал я из мира, —
Облачись в одеянье, достойное тела,
Кадильницы Шамашу ставь пред собою!»
Эти речи сына ее, Гильгамеша,
Печально слушала Нинсун, царица.
Вступила Нинсун в свои покой,
Умыла тело мыльным корнем,
Облачилась в одеянья, достойные тела,
Надела ожерелье, достойное груди,
Опоясана лентой, увенчана тиарой
Чистой водой окропила землю,
Взошла по ступеням, поднялась на крышу.
Поднявшись, для Шамаша свершила воскуренье.
Положила мучную жертву и перед Шамашем воздела руки:
«Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша

И вложил ему в грудь беспокойное сердце?
Теперь ты коснулся его, и пойдет он
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
В бою неведомом будет сражаться,
Путем неведомым будет ехать,
Пока он ходит, и назад не вернулся,
Пока не достигнет кедрового леса,
Пока не сражен им свирепый Хумбаба,
И все, что есть злого, что ты ненавидишь, не изгнал он из мира, —
В день, когда ты ему знаменье явишь,
Пусть, тебя не страшась, тебе Айя-невеста^[8]
Чтобы, ты поручал его стражам ночи
В час вечерний, когда на покой ты уходишь!»
(Далее недостает около девяноста строк.)
Потушила курильницу, завершила молитву,
Позвала Энкиду и весть сообщила:
«Энкиду могучий, не мною рожденный!
Я тебя объявила посвященным Гильгамешу
Вместе с жрицами и девами, обреченными богу».
На шею Энкиду талисман надела,
За руки взялись с ним жены бога,
А дочери бога его величали.
«Я – Энкиду! В поход Гильгамеш меня взял с собою!» —
«Энкиду в поход Гильгамеш взял с собою!»
(Недостает двух стихов.)

".. Пока он ходит, и назад
не вернулся,
Пока не достигнет
кедрового леса.—
Месяц ли пройдет – я с
ним буду вместе
Год ли пройдет – я с ними
буду вместе!»
(Далее недостает свыше
ста тридцати строк.)

Таблица IV

(От этой таблицы во всех версиях сохранились только фрагменты, взаимное расположение которых не вполне ясно.)

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились,
Пятьдесят прошли они за день поприщ,
Путь шести недель прошли – на третий день достигли Евфрата.
Перед Солнцем вырыли колодец,

.....
Поднялся Гильгамеш на гору, поглядел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»

(Следует четыре непонятных строки; по-видимому, Энкиду сооружает палатку для Гильгамеша.)

Гильгамеш подбородком уперся в колено, —

Сон напал на него, удел человека.

Среди ночи сон его прекратился,

Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Друг мой, сон я нынче увидел,

Сон, что я видел, – весь он страшен:

Под обрывом горы стоим мы с тобою,

Гора упала и нас придавила,

Мы

Кто в степи рожден – ему ведома мудрость!»

Вещает другу Гильгамешу, ему сон толкует:

«Друг мой, твой сон прекрасен, сон этот для нас драгоценен,

Друг мой, гора, что ты видел, – не страшна нисколько:

Мы схватим Хумбабу, его повалим,

А труп его бросим на поруганье!

Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

Пятьдесят прошли они за день поприщ,

Путь шести недель прошли – на третий день достигли

Перед Солнцем вырыли колодец,

.....
Поднялся Гильгамеш на гору, посмотрел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»

.....
Среди ночи сон его прекратился,
Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Друг мой, второй я сон увидел:

* Земля растрескалась, земля опустела,

земля была в смятенье,

* Я схватил было тура степного,

* От рева его земля раскололась,

* От поднятой пыли затмилось небо,

* Перед ним я пал на колени;

* Но схватил
.....

* Руку протянул, с земли меня поднял,

* Утолил мой голод, водой напоил из меха».

* «Бог, мой друг, к которому идем мы,

* Он не тур, а тот не враждебен вовсе;

* Тур в твоём сне – это Шамаш светлый,

* Руку нам в беде подает он;

* Тот, кто водою тебя поил из меха, —

* Это почтил тебя твой бог, Лугальбанда!

* Некое свершим мы дело, какого в мире не бывало!

Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

Пятьдесят прошли они за день поприщ —

Путь шести недель прошли и достигли горы Ливана.

Перед Солнцем вырыли колодец,

.....
Поднялся Гильгамеш на гору, посмотрел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»)

Гильгамеш подбородком уперся в колени —

Сон напал на него, удел человека.

Среди ночи сон его прекратился,

Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?

Не бог ли прошел? Отчего трепещет мое тело?

Друг мой, третий сон я увидел,
 Сон, что я видел, – весь он страшен!
 Вопияло небо, земля громыхала,
 День затих, темнота наступила,
 Молния сверкала, полыхало пламя,
 Огонь разгорался, смерть лила ливнем, —
 Померкла зарница, погасло пламя,
 Жар опустился, превратился в пепел —
 В степь мы вернемся, – совет нам нужен!»
 Тут Энкиду сон его понял, вещает Гильгамешу:
*(Далее недостает около ста двадцати стихов;
 сохранились отдельные отрывки, из которых можно
 заключить, что герои, возможно, отступили, но
 затем повторили путешествие, во время которого*

Гильгамеш. видел еще три сна.)

*(Последний из снов, в котором Гильгамеш видел великана, Энкиду
 истолковывает так:)*

«Друг мой, таково тому сну толкованье:
 Хумбабу, – того, что подобен великану, —
 Пока свет не забрезжит, мы его одолеем,
 Над ним мы с тобою победу добудем,
 На Хумбабу, кого мы ненавидим яро,
 Мы наступим ногою победоносно!»

*(Однако по каким-то причинам героям нет удачи, и Гильгамеш вновь взывает к
 богу Шамашу.)*

Перед Шамашем, воином, бегут его слезы:

«Что ты Нинсун в Уруке поведал,
 Вспомни, приди и услышь нас!»

Гильгамеша, отпрыска огражденного Урука, —

Уст его речь услышал Шамаш —

Внезапно с неба призыв раздался:

«Поспеш, подступи к нему, чтоб в лес не ушел он,
 Не вошел бы в заросли, от вас бы не скрылся!
 Он еще не надел свои семь одеяний ужасных,
 Одно он надел, а шесть еще сняты».

А они меж собою схватились,

Словно буйные туры бодают друг друга:

Всего раз закричал еще, полный гнева,

Страж лесов закричал из зарослей дальних,

Хумбаба, как гром, закричал издалика!

Гильгамеш уста открыл, ему вещает, Энкиду:

«Один – лишь один, ничего он не может,

Чужаками мы здесь будем поодиночке:

По круче один не взойдет, а двое – взберутся,

.....
Втрое скрученный канат не скоро порвется,
Два львенка вместе – льва сильнее!»
(Далее недостает около двадцати строк.)
Энкиду уста открыл, ему вещает, Гильгамешу:
«Если бы в лес мы с тобою спустились,
Ослабеет тело, онемеют мои руки».
Гильгамеш уста открыл, вещает он Энкиду:
«Друг мой, ужели мы будем так жалки?
Столько гор уже перешли мы,
Убоимся ли той, что теперь перед нами,
Прежде чем мы нарубим кедра?
Друг мой, в сраженьях ты сведущ, битвы тебе знакомы,
Натирался ты зельем и смерти не страшишься,
.....

Как большой барабан гремит твой голос!
Пусть сойдет с твоих рук онеменье, пусть покинет слабость твое тело,
Возьмемся за руки, пойдем же, друг мой!
Пусть загорится твое сердце сраженьем!
Забудь о смерти, – достигнешь жизни!
Человек осторожный и неустрашимый,
Идя впереди, себя сохранил бы и товарища спас бы, —
Далеко они свое прославили бы имя!»
Так достигли они до кедрового леса,
Прекратили свои речи и встали оба.

Таблица V

Остановились у края леса,
Кедров высоту они видят,
Леса глубину они видят,
Где Хумбаба ходит, – шагов не слышно:
Дороги проложены, путь удобен.
Видят гору кедра, жилище богов, престол Ирнини.
Пред горою кедры несут свою пышность,
Тонь хороша их, полна отрады,
Поросло там тернием, поросло кустами,
Кедры растут, растут олеандры.
Лес на целое поприще рвы окружают,
И еще на две трети рвы окружают.

(Далее недостает почти шестидесяти стихов. В сохранившихся отрывках говорится о «выхваченных мечах», «отравленном железе», о том, что Хумбаба «надел» свои ужасные одеянья-лучи и о возможном «проклятье Эллиля»).

Далее идет речь Энкиду:

Энкиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

«Хумбаба

Один – лишь один, ничего он не может,
Чужаками мы здесь будем поодиночке,
По круче один не взойдет, а двое – взберутся,

.....

Втрое скрученный канат не скоро порвется,
Два львенка вместе – льва сильнее!»

(Далее до конца таблицы V текст «Ниневийской» версии не сохранился; судя по отрывку хеттского перевода эпоса, герои принялись рубить кедры, но были утрашены появлением Хумбабы, однако Шамаш закричал им с неба, чтобы они не боялись, и послал им на помощь восемь ветров, с помощью которых герои одолели Хумбабу, Хумбаба стал просить пощады, но Энкиду отсоветовал

Гильгамешу щадить его. Помимо того, нужно было еще «убить» по отдельности волшебные «лучи-одеянья» Хумбабы. Дальнейшее известно лишь из «Старовавилонской» версии, в так называемом «Фрагменте Бауэра».)

* Гильгамеш ему вещает, Энкиду:

- * «Когда подойдем мы убить Хумбабу,
- * Лучи сиянья в смятение исчезнут,
- * Лучи сиянья исчезнут, свет затмится!»
- * Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
- * «Друг мой, птичку поймай, – не уйдут и цыплята!
- * Лучи сиянья потом поищем,
- * Как цыплята в траве, они разбегутся.
- * Самого срази, – а прислужников позже».
- * Как услышал Гильгамеш сотоварища слово, —
- * Боевой топор он поднял рукою,
- * Выхватил из-за пояса меч свой, —
- * Гильгамеш поразил его в затылок,
- * Его друг, Энкиду, его в грудь ударил;
- * На третьем ударе пал он,
- * Замерли его буйные члены,
- * Сразили они наземь стража, Хумбабу, —
- * На два поприща вокруг застонали кедры:
- * С ним вместе убил Энкиду леса и кедры.
- * Сразил Энкиду стража леса,
- * Чье слово чтили Ливан и Сариа,
- * Покой объял высокие горы,
- * Покой объял лесистые вершины.
- * Он сразил защитников кедра —
- * Разбитые лучи Хумбабы.
- * Когда их всех семерых убил он,
- * Боевую сеть и кинжал в семь талантов, —
- * Груз в восемь талантов, – снял с его тела,
- * Жилище Анунаков[9] он.
- * Гильгамеш деревья рубит, Энкиду пни корчует.
- * Энкиду ему вещает, Гильгамешу:
- * «Друг мой, Гильгамеш! Мы кедр убили, —
- * Повесь боевой топор на пояс,
- * Возлей перед Шамашем возлиянье, —
- * На берег Евфрата доставим кедры».

(Далее до конца таблицы от текста сохранились только ничтожные фрагменты.)

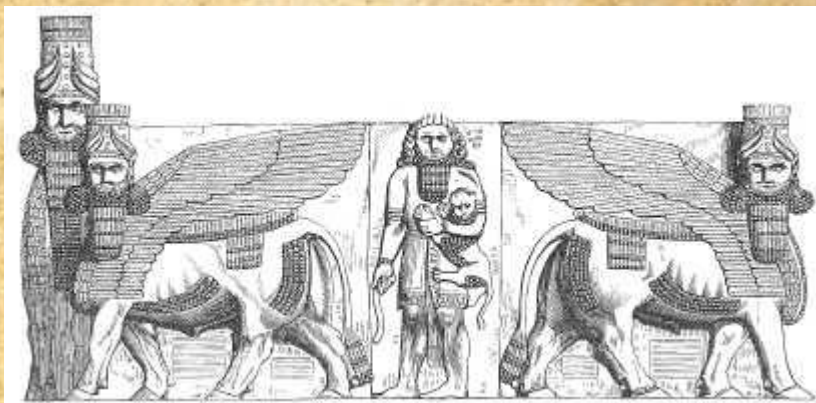
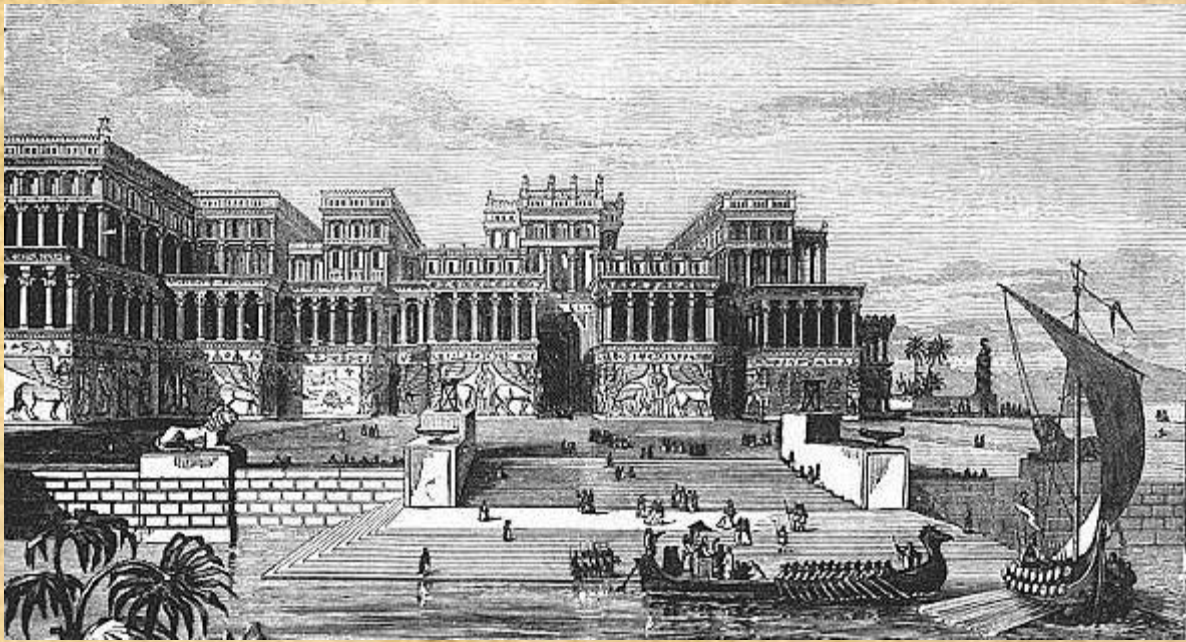

Таблица VI

Он умыл свое тело, все оружие блестело,
Со лба на спину власы он закинул,
С грязным он разлучился, чистым он облачился.
Как накинул он плащ и стан подпоясал,
Как венчал Гильгамеш себя тиарой, —
На красоту Гильгамеша подняла очи государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!
Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури — могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины,
Твои козы тройней, а овцы двойней да рожают,
Твой вьючный осел пусть догонит мула,
Твои кони в колеснице да будут горды в беге,
Под ярмом волы твои да не ведают равных!»
Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он государыне Иштар:
«Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя в жены?
Я дам тебе платьев, елея для тела,
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украшу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды, —
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты — жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,

Дворец, обвалившийся на голову герою,
Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную стену,
Таран, предавший жителей во вражью землю,
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!
Супругу юности твоей, Думузи,
Из года в год ты судила рыдания.
Птичку-пастушка еще ты любила —
Ты его ударила, крылья сломала;
Он живет среди лесов и кричит: „Мои крылья!“
И льва ты любила, совершенного силой, —
Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
И коня ты любила, славного в битве, —
Кнут, узду и плеть ты ему судила,
Семь поприщ скакать ты ему судила,
Мутное пить ты ему судила,
Его матери, Силили, ты судила рыдания.
И еще ты любила пастуха-козопаса,
Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
Каждый день сосунков тебе резал;
Ты его ударила, превратила в волка, —
Гоняют его свод же подпаски,
И собаки его за ляжки кусают.
Ишуллану, садовника отца, ты любила.

Что тебе постоянно носил фиников гроздь,
Каждый день тебе стол украшая, —
Подняла ты очи, к нему подошла ты:
„О мой Ишуллану, твоей зрелости вкусим,
И, рукою обнажась, коснись нашего лона!“
Ишуллану тебе отвечает:
„Чего ты от меня пожелала?
Чего мать не пекла моя, того не едал я, —
Как же буду есть хлеб прегрешенья и скверны?
Будет ли рогожа мне от стужи укрытьем?“
Ты же, услышав эти речи,
Ты его ударила, в паука превратила,
Поселила его среди тяжелой работы, —
Из паутины не вылезть, не спуститься на пол.
И со мной, полюбив, ты так же поступишь!»
Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом своим, Ану, плачет,
Пред Анту, ее матерью, бегут ее слезы:
«Отец мой, Гильгамеш меня посрамляет,
Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
Все мои прегрешенья и все мои скверны».
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:
«Разве не ты оскорбила царя Гильгамеша,
Что Гильгамеш перечислил твои прегрешенья,
Все твои прегрешенья и все твои скверны?»
Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
«Отец, создай Быка мне, чтоб убил Гильгамеша в его жилище,
За обиду Гильгамеш поплатиться должен!
Если же ты Быка не дашь мне —

Поражу я Гильгамеша в его жилище,
 Проложу я путь в глубину преисподней,
 Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали, —
 Станет меньше тогда живых, чем мертвых!»
 Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:
 «Если от меня ты Быка желаешь,
 В краю Урука будут семь лет мякины.
 Сена для скота должна собрать ты,
 Для степного зверья должны травы взрастить ты».
 Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
 «Для скота я сена в Уруке скопила,
 Для степного зверья травы взрастила.
 (Далее недостает трех-четырех стихов, где говорилось о небесном Быке.)
 Как услышал Ану эти речи,
 Ее он уважил, Быка он создал,

 В Урук с небес погнала его Иштар.
 Когда достиг он улиц Урука,

 Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил — река иссякла.
 От дыханья Быка разверзлась яма,
 Сто мужей Урука в нее свалились.
 От второго дыханья разверзлась яма.
 Двести мужей Урука в нее свалились.
 При третьем дыханье стал плевать на Энкиду;

Прыгнув, Энкиду за рог Быка ухватился»
Бык в лицо ему брызнул слюною,
Всей толщей хвоста его ударил.
Энкиду уста открыл и молвит, вещает он
Гильгамешу:

«Друг мой, гордимся мы нашей отвагой,
Что же мы ответим на эту обиду?»

«Друг мой, видал я Быка свирепость,
Но силы его для нас не опасны.

Вывру ему сердце, положу перед
Шамашем, —

Я и ты – Быка убьём мы,

Встану я над его трупом в знак победы,

Наполню рога елеем – подарю

Лугальбанде!

За толщу хвоста его ухвати ты,

А я между рогами, меж затылком и шеей, поражу его кинжалом,

.....».

Погнал Энкиду, Быка повернул он,

За толщу хвоста его ухватил он,

.....

А Гильгамеш, как увидел дело храброго героя и верного друга, —

Между рогами, меж затылком и шеей

Быка поразил кинжалом.

Как Быка они убили, ему вырвали сердце, перед Шамашем положили,

Удалившись, перед Шамашем ниц склонились,

Отдыхать уселись оба брата.

Взобралась Иштар на стену огражденного Урука,

В скорби распростёрлась, бросила проклятье:

«Горе Гильгамешу! Меня он опозорил, Быка убивши!»

Услыхал Энкиду эти речи Иштар,

Вырвал корень Быка, в лицо ей бросил:

«А с тобой – лишь достать бы, – как с ним бы я сделал,

Кишки его на тебя намотал бы!»

Созвала Иштар любодеиц, блудниц и девок,

Корень Быка оплакивать стали.

А Гильгамеш созвал мастеров всех ремесел, —

Толщину рогов мастера хвалили.

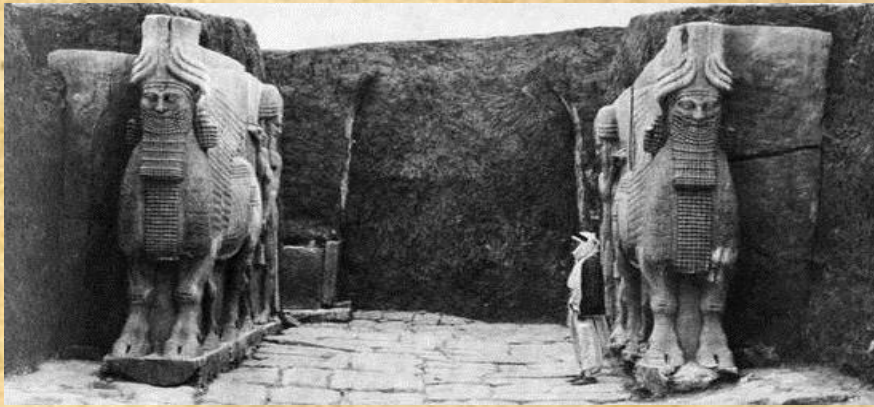
Тридцать мин лазури – их отливка,

Толщиною в два пальца их оправа,

Шесть мер елея, что вошло в оба рога,

Подарил для помазанья своему богу Лугальбанде,

А рога прибил у себя над хозяйским ложем.

Они руки свои омыли в Евфрате,
Обнялись, отправились,
едут улицей Урука,
Толпы Урука на них
взирают.
Гильгамеш вещает слово
простолюдинкам Урука:
«Кто же красив среди
героев,

Кто же горд среди мужей?
Гильгамеш красив среди героев,
Энкиду горд среди мужей!
Бык богинин, кого мы изгнали в гневе.
Не достиг на улицах полноты желанья,
.....!»

Гильгамеш во дворце устроил веселье,
Заснули герои, лежат на ложе ночи,
Заснул Энкиду – и сон увидел,
Поднялся Энкиду и сон толкует:
Вещает своему он другу:

Таблица VII

«Друг мой, о чем совещаются великие боги?

(О дальнейшем известно лишь по отрывку из „Периферийной“ версии на хеттском языке:)

- ** Слушай мой сон, что я видел ночью:
- ** Ану, Эллиль и Шамаш меж собой говорили.
- ** И Ану Эллилю вещает:
- ** „Зачем они сразили Быка и Хумбабу?“
- ** Ану сказал: „Умереть подобает
- ** Тому, кто у гор похитил кедры!“
- ** Эллиль промолвил: „Пусть умрет Энкиду,
- ** Но Гильгамеш умереть не должен!“
- ** Отвечает Шамаш Эллилю-герою:
- ** „Не твоим ли веленьем убиты Бык и Хумбаба?
- ** Должен ли ныне Энкиду умереть безвинно?“
- ** Разгневался Эллиль на Шамаша-героя:
- ** „То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь!“
- ** Слег Энкиду перед Гильгамешем,
- ** По лицу Гильгамеша побежали слезы:
- ** „Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали?“
- ** И еще: „Неужели сидеть мне с призраком, у могильного входа?
- ** Никогда не увидеть своими очами любимого брата?“

(Возможно, сюда же относится отрывок „Периферийной“ версии на аккадском языке, найденный в Мегиддо в Палестине:)

**

** Энкиду прикоснулся к его руке, говорит Гильгамешу:

** „Не рубил я кедра, не убивал я Хумбабу.

* * *

* * *

** В кедровом лесу, где обитают

боги,

** Не убил ни одного я кедра!“

** Гильгамеш от голоса его пробудился,

** И герою так он вещает:

** „Благ этот сон и благоприятен

** Драгоценен и благ, хотя и труден.“

(По-видимому, сюда же относится отрывок „Ниневийской“ версии, хотя, возможно, в ней ему предшествовал текст, сильно отличавшийся от приведенной выше „Периферийной“. После нескольких сильно разрушенных стихов из речи Энкиду идут такие стихи:)

Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:

„Давай, мой друг, пойдем и Эллия попросим!“

У входа в храм они остановились,

Деревянную дверь они увидали.

Ибо Эллию ее подарил Энкиду,

Энкиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:

„Из-за двери деревянной беда случилась!“

Энкиду поднял на дверь свои очи,

С дверью беседует, как с человеком:

„Деревянная дверь, без толка и смысла,

Никакого в ней разумения нету!

Для тебя я дерево искал за двадцать поприщ,

Пока не увидел длинного кедра, —

Тому дереву не было равных в мире!

Восемнадцать сажень ты высотой, шесть сажень ты шириною,

Твой засов, петля и“ задвижка длиною двенадцать локтей.

Изготовил, доставил тебя, в Ниппуре украсил —

Знал бы я, дверь, что такова будет расплата,

Что благо такое ты принесешь мне, —

Взял бы топор я, порубил бы в щепы,

Связал бы плот — и пустил бы по водам!

(Далее четыре непонятных стиха.)

Ану и Иштар мне того не простили!
Ныне же, дверь, – зачем я тебя сделал?
Сам погубил себя благочестивым даром!
Пусть бы будущий царь тебя оправил,
Пусть бы бог изготовил твои дверные
створки,
Стер бы мое имя, свое написал бы,
Сорвал бы мою дверь, а свою поставил!»
Его слово услышав, сразу жарко заплакал,
Услыхал Гильгамеш слово друга, Энкиду, –
побежали его слезы.

Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает Энкиду:
«Тебе бог даровал глубокий разум, мудрые речи —
Человек ты разумный – а мыслишь так странно!
Зачем, мой друг, ты мыслишь так странно?
Драгоценен твой сон, хоть много в нем страха:
Как мушиные крылья, еще трепещут твои губы!
Много в нем страха, но сон этот дорог:
Для живого – тосковать – его доля,
Сон тоску оставляет для живого!
А теперь помолюсь я богам великим, —
Милость взыскаю, обращусь к твоему богу:
Пусть, отец богов, будет милостив Ану,
Даже Эллиль да сжалится, смилуется Шамаш, —
Златом без счета их украшу кумиры!»
Услыхал его Шамаш, воззвал к нему с неба:
«Не трать, о царь, на кумиры злата, —
Слово, что сказано, бог не изменит,
Слово, что сказано, не вернет, не отменит,
Жребий, что брошен, не вернет, не отменит, —
Судьба людская проходит, – ничто не останется в мире!»
На веление Шамаша поднял голову Энкиду,
Перед Шамашем бегут его слезы:
«Я молю тебя, Шамаш, из-за судьбы моей враждебной —
Об охотнике, ловце-человеке, —
Он не дал достичь мне, чего друг мой достигнул,
Пусть охотник не достигнет, чего друзья его достигли!
Пусть будут руки его слабы, прибыток скуден,
Пусть его пред тобою уменьшится доля,
Пусть зверь в ловушку нейдет, а в щели уходит!
Пусть охотник не исполнит желания сердца!»
На Шамхат во гневе навел он проклятье:
«Давай, блудница, тебе долю назначу,

Что не кончится на веки вечные в мире;
 Проклянута великим проклятьем,
 Чтобы скоро то проклятье тебя бы постигло:
 Пусть ты не устроишь себе дома на радость,
 Пусть ты не полюбишь нагуляной дочки,
 Пусть не введешь на посиделки девичьи,
 Пусть заливают пивом твое прекрасное
 лоно,
 Пусть пьяный заблюет твое платье в
 праздник,
 Пусть он отберет твои красивые бусы,
 Пусть горшечник вдогонку тебе глину

швыряет,
 Пусть из светлой доли ничего тебе не будет,
 Чистое серебро, гордость людей и здоровье,
 Пусть у тебя не водятся в доме,
 Пусть будут брать наслаждение от тебя у порогов,
 Перекрестки дорог тебе будут жилищем,
 Пустыри пускай тебе будут ночевкой,
 Тень стены обиталищем будет,
 Отдыха пусть твои ноги не знают,
 По щекам пусть бьют калека и пьяный,
 Пусть кричит на тебя жена верного мужа,
 Пусть не чинит твою кровлю строитель,
 В щелях стен пусть поселятся совы пустыни,
 Пусть к тебе на пир не сходятся гости,

.....

Пусть проход в твое лоно закроется гноем,
 Пусть дар будет нищ за раскрытое лоно, —
 Ибо чистому мне притворилась ты супругой,
 И над чистым мною ты обман совершила!»
 Шамаш услышал уст его слово, —
 Внезапно с неба призыв раздался:
 «Зачем, Энкиду, блудницу Шамхат ты проклял,
 Что кормила тебя хлебом, достойным бога,
 Питьем поила, царя достойным,
 Тебя великой одеждой одела
 И в сотоварищи добрые тебе дала Гильгамеша?
 Теперь же Гильгамеш, и друг и брат твой,
 Уложит тебя на великом ложе,
 На ложе почетном тебя уложит,
 Поселит тебя слева, в месте покоя;
 Государи земли облобызают твои ноги,

Велит он оплакать тебя народу Урука,
 Веселым людям скорбный обряд
 поручит,
 А сам после тебя он рубище наденет,
 Львиной шкурой облачится, бежит в
 пустыню».
 Услыхал Энкиду слово Шамаша-
 героя, —
 У него успокоилось гневное сердце,
 Усмирилась разъярённая печень.
 «Давай, блудница, я иное назначу:
 Пусть тебя покинувший к тебе
 вернется,
 Государи, цари и владыки пусть тебя
 полюбят,
 Тебя увидавший пусть тебе изумится,

Герой для тебя пусть встряхнет кудрями,
 Не задержит тебя страж, а тот пусть пояс развяжет,
 Даст стеклянные блески, лазурь и золото,
 Кованые серьги тебе пусть подарит, —
 А за то ему ливнем зерно польется;
 В храм богов заклинатель пусть тебя приводит,
 Для тебя пусть покинут мать семерых, супругу!»
 В утробу Энкиду боль проникла,
 На ложе ночи, где лежал он одиноко.
 Все свои скорби он поведал другу:
 «Слушай, друг мой! Сон я видел ночью —
 Вопияло небо, земля отвечала,
 Только я стою между ними
 Да один человек — лицо его мрачно,
 Птице бури он лицом подобен,
 Его крылья — орлиные крылья, его когти — орлиные когти,
 Он за волосы схватил, меня одолел он,
 Я его ударил — как скакалка, он скачет,
 Он меня ударил — исцелил мою рану,
 Но, как тур, на меня наступил он,
 Сжал, как тисками, все мое тело.
 „Друг мой, спаси меня!“ Не мог спасти ты,
 Ты убоялся, не мог сражаться,
 Ты лишь

.....
 Он ко мне прикоснулся, превратил меня в птаху,
 Крылья, как птичьи, надел мне на плечи:
 Взглянул и увел меня в дом мрака, жилище Иркаллы,

В дом, откуда вошедший никогда не
выходит,
В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища – прах и еда их – глина,
А одеты, как птицы, – одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью!
В Доме праха, куда вступил я,
Поглядел я – венцы смиренны:
Я послушал, – венценосцы, что в
прежние дни владели миром,
Ану и Эллилю подносят жареное мясо,
Ставят хлеб печеный, холодную, из меха,

возливают воду.

В Доме праха, куда вступил я,
Живут жрец и служка, живут волхв и одержимый,
Живут священники богов великих,
Живет Этана, живет Сумукан,
Живет Эрешкигаль, земли царица;
Белет-цери, дева-писец земли, перед ней на коленях,
Таблицу судеб держит, пред нею читает, —
Подняла лицо, меня увидала:
„Смерть уже взяла того человека!“

(Далее недостает около пятидесяти стихов; Энкиду видел еще сон; рассказ о нем кончается словами:)

...Мы с тобою вместе все труды делили, —
Помни меня, друг мой, не забудь мои деянья!»
Друг его увидел сон необъясненный,
Когда сон он увидел, его иссякла сила.
Лежит Энкиду на ложе,
Первый день, второй день, что лежит Энкиду на ложе,
Третий день и четвертый, что лежит Энкиду на ложе.
Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый и десятый, —
Стал недуг тяжелей у Энкиду,
Одиннадцатый и двенадцатый дни миновались —
На ложе своем приподнялся Энкиду,
Кликнул Гильгамеша, ему вещает:
«Друг мой отныне меня возненавидел, —
Когда в Уруке мы с ним говорили,
Я боялся сраженья, а он был мне в помощь;
Друг, что в бою спасал, – почему меня покинул?
Я и ты – не равно ли мы смертны?»

(Далее до конца таблицы недостает двадцати пяти – тридцати стихов.)

Таблица VIII

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш уста открыл и молвит:
«Энкиду, друг мой, твоя мать антилопа
И онагр, твой отец, тебя породили,
Молоком своим тебя звери взрастили
И скот в степи на пастбищах дальних!
В кедровом лесу стези Энкиду
По тебе да плачут день и ночь неумолчно,
Да плачут старейшины огражденного Урука,
Да плачет руку нам вслед простиравший,
Да плачут уступы гор лесистых,
По которым мы с тобою всходили,
Да рыдает пажить, как мать родная,
Да плачут соком кипарисы и кедры,
Средь которых с тобою мы пробирались,
Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,
Козероги и рыси, львы и туры,
Олени и антилопы, скот и тварь степная,
Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по берегу,
Да плачет светлый Евфрат, где мы черпали воду для меха,
Да плачут мужи обширного огражденного Урука,
Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,
Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,
Да плачет тот, кто, как древними людьми, гордился тобою,
Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,

Да плачет рабыня, что умастила твои ноги,
 Да плачет раб, кто вина к устам твоим подал,
 Да плачет блудница, тебя умастившая добрым елеем,
 Да плачет в брачный покой вступивший,
 Обретший супругу твоим добрым советом,
 Братья да плачут по тебе, как сестры,
 В скорби да рвут власы над тобою!
 Словно мать и отец в его дальних кочевьях,
 Я об Энкиду буду плакать:
 Внимайте же мне, мужи, внимайте,
 Внимайте, старейшины огражденного Урука!
 Я об Энкиду, моем друге, плачу,
 Словно плакальщица, горько рыдаю:
 Мощный топор мой, сильный оплот мой,
 Верный кинжал мой, надежный щит мой,
 Праздничный плащ мой, пышный убор мой, —
 Демон злой у меня его отнял!
 Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер
 на просторах!

Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!

С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,

Вместе схвативши, Быка убили, —

Что за сон теперь овладел тобою?

Стал ты темен и меня не слышишь!»

А тот головы поднять не может.

Тронул он сердце — оно не бьется.

Закрыл он другу лицо, как невесте,

Сам, как орел, над ним кружит он,

Точно львица, чьи львята — в ловушке,

Мечется грозно взад и вперед он,

Словно кудель, раздирает власы он,

Словно скверну, срывает одежду.

Едва занялось сияние утра,

Гильгамеш по стране созывает кличем

Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.

«Друг мой, сделаю кумир твой,

Какого никто не делал другу:

Друга рост и облик в нем будет явлен, —

Подножье из камня, власы — из лазури,

Лицо — из алебаstra, из золота — тело.

(Далее недостает около двадцати стихов.)

...Теперь же я, и друг и брат твой,

Тебя уложил на великом ложе,

На ложе почетном тебя уложил я,

Поселил тебя слева, в месте покоя,
Государи земли облобызали твои ноги,
Велел оплакать тебя народу Урука,
Веселым людям скорбный обряд поручил я,
А сам после друга рубище надел я,
Львиной шкурой облачился, бегу в пустыню!»
Едва занялось сияние утра...

(Далее недостает более сотни стихов.)

Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш изготовил из глины фигурку,
Вынес стол большой, деревянный,
Сосуд из сердолика наполнил медом,
Сосуд из лазури наполнил маслом,
Стол украсил и для Шамаша вынес.
(До конца таблицы, недостает около пятидесяти
стихов; содержанием их было гадание Гильгамеша
и ответ богов. Вероятно, он был сходен по
содержанию с тем, который содержится в
«Старовавилонской» версии, но не в этом месте, а

в той таблице, которая соответствовала позднейшей десятой, – в так
называемой «Таблице Мейснера». Ниже приводим текст из нее, первые строки
представляют собой домысел переводчика.)

Эллиль услышал уст его слово —

Внезапно с неба призыв раздался:

«Издревле, Гильгамеш, назначено людям:

Земледелец, пашет землю, урожай собирает,

Пастух и охотник со зверьем обитает,

* Надевает их шкуру, ест их мясо.

* Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало,

* С тех пор как мой ветер гонит воды».

* Опечалился Шамаш, к нему явился,

* Вещает он Гильгамешу:

* «Гильгамеш, куда ты стремишься?

* Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»

* Гильгамеш ему вещает, Шамашу-герою:

* «После того как бродил по свету,

* Разве довольно в земле покоя?

* Видно, проспал я все эти годы!

* Пусть же солнечным светом насытятся очи:

* Пуста темнота, как нужно света!

* Можно ль мертвому видеть сияние солнца?»

(От этого места в «Старовавилонской» версии до конца таблицы еще около
двадцати стихов.)

Таблица IX

Гильгамеш об Энкиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
«И я не так ли умру, как Энкиду?
Тоска в утробу мою проникла,
Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапишти, сына Убар-Туту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно, —
Главу подымая, молюсь я Сину,
И ко всем богам идут мои молитвы:
Как прежде бывало, меня сохраните!»
Ночью он лег, — от сна пробудившись,
Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой, —
Словно копье, упал между ними,
Ударял, повергал, убивал и рубил он.
(Далее недостает около тридцати стихов.)
Он слышал о горах, чье имя — Машу,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
Внизу — преисподней их грудь достигает, —
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры — гибель,
Их мерцающий блеск повергает горы —
При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце, —
Как только их Гильгамеш увидел —

Ужас и страх его лицо помрачили.
С духом собрался, направился к ним он.
Человек-скорпион жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам, – плоть богов – его тело!»
Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну – человек он!»
Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
Потомку богов вещает слово:
«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
«Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни:
Мысль о герое не дает мне покоя!
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Мысль об Энкиду, герое, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,

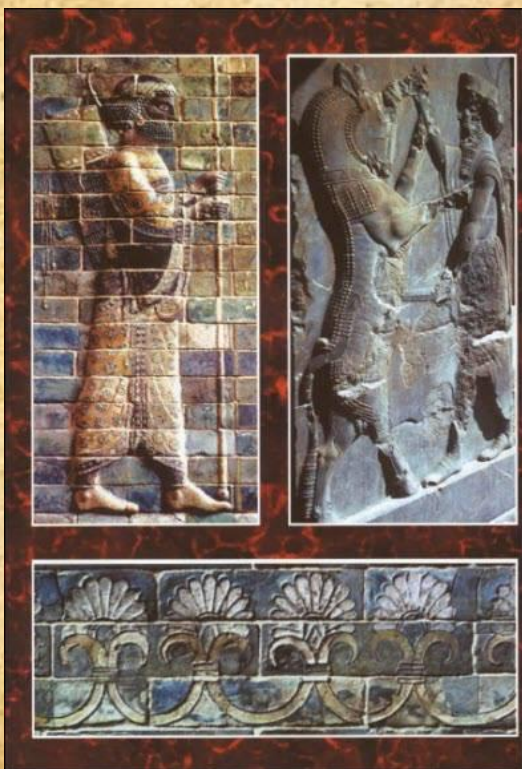

Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, скорпион, тебя я встретил, —
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!

.....
К Утнапишти, отцу моему, иду я поспешно,
К тому, кто, выжив, в собрание богов был принят
и жизнь обрел в нем:
Я спрошу у него о жизни и смерти!»
Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает
он Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
Не ходил никто еще ходом горным:
На двенадцать поприщ простирается внутрь он:
Темнота густа, не видно света —
При восходе Солнца закрывают ворота,
При заходе Солнца открывают ворота,
При заходе Солнца опять закрывают ворота,
Выводят оттуда только Шамаша боги,
Опаляет живущих он сияньем, —

Ты же — как ты сможешь пройти тем ходом?
Ты войдешь и больше оттуда не выйдешь!»
(Далее недостает более пятидесяти стихов.)
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:

«.....
В тоске моей плоти, в печали сердца,
И в жар и в стужу, в темноте и во мраке,
Во вздохах и плаче, — вперед пойду я!
Теперь открой мне ворота в горы!»
Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Иди, Гильгамеш, путем своим трудным,
Горы Машу ты да минуешь,
Леса и горы да пройдешь отважно,
Да вернешься обратно благополучно!
Ворота гор для тебя открытые.»
Гильгамеш, когда услышал это,
Человеку-скорпиону был послушен,
По дороге Шамаша стопы он направил.
Первое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Второе поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Третье поприще пройдя, он вспять обратился.

(В следующих недостающих восемнадцати стихах, вероятно, объяснялось, почему Гильгамеш решил снова предпринять путь сквозь подземелье на краю света.)

С духом собрался, вперед зашагал он.
Четвертое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
Пятое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
Шестое поприще уже прошел он —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
Седьмое поприще пройдя – он прислушался к
мраку:
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Восьмое поприще пройдя, – в темноту он крикнул:

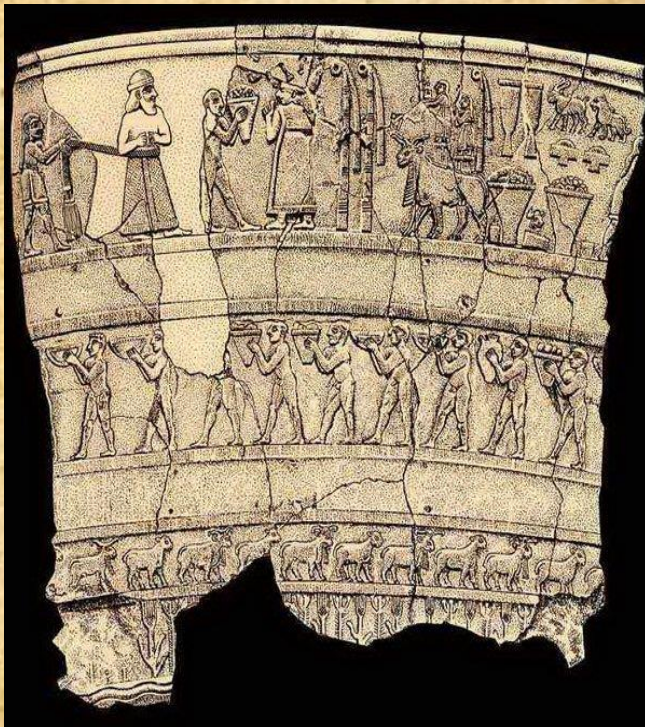
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.
На девятом поприще холодок он почуял, —
Дыхание ветра его лица коснулось, —
Темнота густа, не видно света,
Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,
На десятом поприще стал выход близок, —
Но, как десять поприщ, поприще это.
На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
Поспешил он, рощу из камней увидев!
Сердолик плоды приносит,
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурит растет листвою —
Плодоносит тоже, на вид забавен.

(Далее недостает тридцать четыре стиха. Сохранились отрывки дальнейшего описания волшебного сада.)

Гильгамеш, проходя по саду камней,
Очи поднял на это чудо.

Таблица X

Сидури – хозяйка богов, что живет на обрыве у моря,
Живет она и брагой их угощает:
Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу, —
Покрывалом покрыта, незрима людям.

Гильгамеш приближается к ее жилищу,
Шкурой одетый, покрытый прахом,
Плоть богов таится в его теле,
Тоска в утробе его обитает,
Идущему дальним путем он лицом подобен.
Хозяйка издали его увидала,
Своему она сердцу, помыслив, вещает,
Сама с собою совет она держит:
«Наверное, это – убийца буйный,
Кого хорошего тут увидишь?»
Увидав его, хозяйка затворила двери,
Затворила двери, засов заложила.
А он, Гильгамеш, тот стук услышал,
Поднял лицо и к ней обратился.
Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Хозяйка, ты что увидала, зачем затворила двери,
Затворила двери, засов заложила?
Ударю я в дверь, разломаю затворы!»

.....

Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,
Потомку богов вещает слово:

«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»
Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:
«Я – Гильгамеш, убивший стража леса,
В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных».

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Если ты – Гильгамеш, убивший стража леса,
В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных, —
Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужи лицо спалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне?

Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи,
пантер на, просторах,

С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,

Вместе схвативши, Быка убили,

В кедровом лесу погубили Хумбабу,

Друг мой, которого так любил я,

С которым мы все труды делили,

Энкиду, друг мой, которого так любил я,

С которым мы все труды делили, —

Его постигла судьба человека!

Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,

Не предавая его могиле, —

Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?

Пока в его нос не проникли черви!

Устрашился я смерти, не найти мне жизни!

Словно разбойник, брожу в пустыне:

Слово героя не дает мне покоя —

Дальней дорогой бегу в пустыне:

Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —

Дальним путем скитаюсь в пустыне:

Как же смолчу я, как успокоюсь?

Друг мой любимый стал землею!

Энкиду, друг мой любимый, стал землею!

Так же, как он, и я не лягу ль,

Чтоб не встать во веки веков?

* Теперь же, хозяйка, тебя я встретил, —

* Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

* «Гильгамеш! Куда ты стремишься?

* Жизни, что ищешь, не найдешь ты!

* Боги, когда создавали человека, —

* Смерть они определили человеку,

*— Жизнь в своих руках удержали.

* Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,

* Днем и ночью да будешь ты весел,

* Праздник справляй ежедневно,

- * Днем и ночью играй и пляши ты!
- * Светлы да будут твои одежды,
- * Волосы чисты, водой омывайся,
- * Гляди, как дитя твою руку держит,
- * Своими объятьями радуй подругу —
- * Только в этом дело человека!»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Теперь, хозяйка, — где путь к Утнапишти?

Каков его признак, — дай его мне ты,

Дай же ты мне пути того признак:

Если возможно — переправлюсь морем,

Если нельзя — побегу пустыней!»

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,

И не мог переправиться морем никто, здесь бывавший издревле, —

Шамаш-герой переправится морем, —

Кроме Шамаша, кто это может?

Трудна переправа, тяжела дорога,

Глубоки воды смерти, что ее преграждают.

А что, Гильгамеш, переправившись морем, —

Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?

Есть, Гильгамеш, Уршанаби, корабельщик Утнапишти,

У него есть идола, в лесу он ловит змея;

Найди его и с ним повидайся,

Если возможно — с ним переправься,

Если нельзя, то вспять обратиться». Гильгамеш, как услышал эти речи, Боевой топор он поднял рукою, Выхватил из-за пояса меч свой, Меж деревьев углубился в заросль, Словно копье упал между ними, Идолов разбил, во внезапном буйстве, Змея волшебного нашел среди леса, Удушил его своими руками. Когда же Гильгамеш насытился буйством, В его груди успокоилась ярость, Сказал он в своем сердце: «Не найти мне лодки! Как одолею воды смерти,

Как переправлюсь чрез широкое море?»

Гильгамеш удержал свое буйство,

Из леса вышел, к Реке спустился.

По водам Уршанаби плыл на лодке,

Лодку к берегу он направил.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:

* «Я – Гильгамеш, таково мое имя,

* Что пришел из Урука, дома Ану,

* Что бродил по горам путем далеким с восхода Солнца».

Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:

«Почему твои щеки впали, голова поникла,

Печально сердце, лицо увяло,

Тоска в утробе твоей обитает,

Идущему дальним путем ты лицом подобен,

Жара и стужа лицо опалили,

И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:

«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,

Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,

Тоске в утробу мою не проникнуть,

Идущему дальним путем мне не быть подобным,

Жаре и стуже не спалить чело мне,

Не искать мне марева, не бежать по пустыне?

Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,

Вместе схвативши, Быка убили,

На перевалах горных львов убивали,

В кедровом лесу погубили Хумбабу,

Друг мой, которого так любил я,

С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни,
Слово героя не дает мне покоя —
Дальней дорогой бегу в пустыне!
Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?»
(Ответ Уршанаби пропущен, может быть, по небрежности писца.)
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Теперь, Уршанаби, — где путь к Утнапишти?
Каков его признак — дай его мне ты!
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
* «Идолы те, Гильгамеш, мне оберегом были,
* Чтобы я не прикоснулся к водам смерти;

* В ярости твоей ты идолы разрушил, —

* Без тех идолов тебя переправить трудно,
Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
Углубися в лес, наруби шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,
Осмоли, сделай лопасти и мне принеси их».

Гильгамеш, услышав эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Углубился в лес, нарубил шестов там,

Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен, —

Осмолил, сделал лопасти, к нему принес их.

Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,

Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.

Путь шести недель за три дня совершили,

И вступил Уршанаби в воды смерти.

Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:

«Отстранись, Гильгамеш, и шест возьми ты,

Воды смерти рукою не тронь, берегися!

Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми ты,

Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми ты,

Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми ты,

Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми ты», —

На сто двадцатом кончились шесты у Гильгамеша,

И развязал он препоясанье чресел,

Скинул Гильгамеш одежду, ее развернул он,

Как парус, ее руками поднял.

Утнапишти издали их увидел,

Помыслив, сердцу своему вещает,

Сам с собою совет он держит:

«Почему это идолы на ладье разбиты,

И плывет на ней не ее хозяин?

Тот, кто подходит, — не мой человек он,

И справа гляжу я, и слева гляжу я,

Я гляжу на него — и узнать не могу я,

Я гляжу на него — и понять не могу я,

Я гляжу на него — и не ведаю, кто он.»

.....

(Далее недостает около двадцати стихов.)

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужа чело опалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне,
Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
Энкиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
На перевалах горных львов убивали,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
Энкиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Дни и ночи над ним я плакал,
Не предавая его могиле,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти и бегу в пустыне, —
Слово героя не дает мне покоя,
Дальней дорогой брожу в пустыне —
Слово Энкиду, героя, не дает мне покоя:

Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
Энкиду, друг мой любимый, стал
землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?»
Гильгамеш ему вещает, дальнему
Утнапишти:
«Я же, чтоб дойти до дальнего
Утнапишти:
Чтоб увидеть того, о ком ходит
преданье,
Я скитался долго, обошел все страны,
Я взбирался на трудные горы,

Через все моря я переправлялся,
Сладким сном не утолял свои очи,
Мучил себя непрерывным бдением,
Плоть свою я наполнил тоскою,
Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
Оленей и серн, скот и тварь степную,
Ел их мясо, их шкурой ублажал свое тело;
При виде меня хозяйка заперла двери,
Смолой и киром обмазал шесты я,
Когда плыл на ладье, не тронул воды я, —
Да найду я жизнь, которую ищу я!»
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?
Потому ль, что плоть богов и людей в твоём теле,
Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?
Ты узнал ли, — когда-то для смертного Гильгамеша
Было ль в собрание богов поставлено кресло?
Даны ему, смертному, пределы:
Люди — как пахтанье, боги — как масло,
Человеки и боги — как мякина и пшеница!
Поспешил ты шкурою, Гильгамеш, облечься,
И что царскую перевязь, ее ты носишь, —
Потому что — нет у меня для тебя ответа,
Слова совета нет для тебя никакого!
Обрати лицо свое, Гильгамеш, к твоим людям:
Почему их правитель рубище носит?

.....

(Далее недостает около двадцати пяти стихов.)

Ярая смерть не щадит человека:

Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их,
То собираются Ануннаки, великие боги,
Мамет[10] с ними вместе судит:
Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!»

Таблица XI

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:

«Гляжу на тебя я, Утнапишти,
Не чуден ты ростом – таков, как и я, ты,
И сам ты не чуден – таков, как и я, ты.
Не страшно мне с тобою сразиться;
Отдыхая, и ты на спину ложишься —
Скажи, как ты, выжив, в собрание богов был принят и жизнь обрел в нем?»
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово

И тайну богов тебе расскажу я.»
 Шуриппак, город, который ты знаешь,
 Что лежит на бреге Евфрата, —
 Этот город древен, близки к нему
 боги.
 Богов великих потоп устроить
 склонило их сердце.
 Совещались отец их Ану, Эллиль,
 герой, их советник,
 Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.

Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
 Но хижине он их слово поведал:
 «Хижина, хижина! Стенка, стенка!
 Слушай, хижина! Стенка, запомни!
 Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
 Снеси жилище, построй корабль,
 Покинь изобилье, заботься о жизни,
 Богатство презри, спасай свою душу!
 На свой корабль погрузи все живое.
 Тот корабль, который ты построишь,
 Очертаньем да будет четырехуголен,
 Равны да будут ширина с длиною,
 Как Океан, покрой его кровлей!»
 Я понял и вещаю Эа, владыке:
 «То слово, владыка, что ты мне молвил,
 Почтить я должен, все так и исполню.
 Что ж ответить мне граду – народу и старцам?»
 Эа уста открыл и молвит,
 Мне, рабу своему, он вещает:
 «А ты такую им речь промолви:
 „Я знаю, Эллиль меня ненавидит, —
 Не буду я больше жить в вашем граде,
 От почвы Эллиля стопы отвращу я.
 Спущусь к Океану, к владыке Эа!
 А над вами дождь прольет он обильно,
 Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,
 На земле будет всюду богатая жатва,
 Утром хлынет ливень, а ночью
 Хлебный дождь вы узрите воочью“.
 Едва занялось сияние утра,
 По зову моему весь край собрался,

.....

На семь частей его разделивши ими,
 Его дно разделил на девять отсеков,
 Забил в него колки водяные,
 Выбрал я руль, уложил снаряжение.
 Три меры кира в печи расплавил;
 Три меры смолы туда налил я,
 Три меры носильщики натаскали елея:
 Кроме меры елея, что пошла на промазку,
 Две меры елея спрятал кормчий.
 Для жителей града быков колол я,
 Резал овец я ежедневно,
 Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
 Народ поил, как водой речною,
 И они пировали, как в день новогодний.
 Открыл я благовонья, умастил свои руки.
 Был готов корабль в час захода Солнца.
 Сдвигать его стали – он был тяжелым,
 Подпирали кольями сверху и снизу,
 Погрузился он в воду на две трети.
 Нагрузил его всем, что имел я,
 Нагрузил его всем, что имел серебра я,
 Нагрузил его всем, что имел я злата,
 Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
 Поднял на корабль всю семью и род мой,
 Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
 Время назначил мне Шамаш:
 „Утром хлынет ливень, а ночью
 Хлебный дождь ты узришь воочью, —
 Войди на корабль, засмоли его двери“.
 Настало назначенное время:

Всех мужей я призвал на
 повинность —
 Дома сносили, разрушали ограду.
 Ребенок смолу таскает,
 Сильный в корзинах снаряжение
 носит.
 В пятеро суток заложил я кузов:
 Треть десятины площадь, борт сто
 двадцать локтей высотой,
 По сто двадцать локтей края его
 верха.
 Заложил я обводы, чертеж начертил
 я:
 Шесть в корабле положил я палуб,

Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.
Я взглянул на лицо погоды —
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери —
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.
Едва занялось сияние утра,
С основания небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш идут перед нею,
Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль вырывает жерди плотины,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым, — во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.
Не видит один другого;
И с небес не видать людей.
Боги потопа устрашились,

Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
„Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожая я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!“
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.
Успокоилось море, утих ураган – потоп прекратился.
Я открыл отдушину – свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море – тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров.

У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
Как только прибыла богиня-мать,
Подняла она большое ожерелье,
Что Ану изготовил ей на радость:
„О боги! У меня на шее лазурный камень —

Как его воистину я не забуду,
Так эти дни я воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!
К жертве все боги пусть подходят,
Эллиль к этой жертве пусть не
подходит,
Ибо он, не размыслив, потоп устроил
И моих человеков обрек истребленью!“
Эллиль, как только туда он прибыл,
Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов:
„Какая это душа спаслася?
Ни один человек не должен был
выжить!“
Нинурта уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
„Кто, как не Эа, замыслы строит,
И Эа ведает всякое дело!“
Эа уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:

„Ты – герой, мудрец меж богами!
Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
На согрешившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты, —
Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше волк бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
Я ж не выдал тайны богов великих —
Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
А теперь ему совет посоветуй!“
Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу,
На колени поставил жену мою рядом,
К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:
„Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!“
Увели меня вдаль, при устье рек поселили.

Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
 Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
 Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
 Только он сел, раскинув ноги, —
 Сон дохнул на него, как мгла пустыни.
 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
 «Посмотри на героя, что хочет жизни!
 Сон дохнул на него, как мгла пустыни».
 Подруга его ему вещает, дальнему
 Утнапишти:
 «Прикоснись к нему, человек да проснется!
 Тем же путем да вернется спокойно,
 Через те же ворота да вернется в свою
 землю!»
 Утнапишти ей вещает, своей подруге:
 «Лжив человек! Тебя он обманет:
 Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,
 И дни, что он спит, на стене помечай-ка».
 Пекла она хлеба, клала у изголовья,
 И дни, что он спит, на стене отмечала.

Первый хлеб его развалился,
 Треснул второй, заплесневел третий,
 Четвертый – его побелела корка,
 Пятый был черствым, шестой был свежим,
 Седьмой – в это время его он коснулся, и тот пробудился.
 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Одолел меня сон на одно мгновенье —
 Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».
 Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
 «Встань, Гильгамеш, хлеба сосчитай-ка,
 И дни, что ты спал, тебе будут известны:
 Первый твой хлеб развалился,
 Треснул второй, заплесневел третий,
 Четвертый – его побелела корка,
 Пятый был черствым, шестой был свежим,
 Седьмой – в это время ты пробудился».
 Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
 «Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
 Плотью моей овладел Похититель,
 В моих покоях смерть обитает,
 И куда взор я ни брошу – смерть повсюду!»
 Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби:
 «Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет,
 Кто на берег пришел, тот к нему и стремися!

Человек, которого привел ты, – рубище связало его тело,
Погубили шкуры красоты его членов.

Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
Пусть свое платье он добела моет,
Пусть сбросит шкуры – унесет их море.

Прекрасным пусть станет его тело,
Новой повязкой главу пусть повяжет,
Облаченье наденет, наготу прикроет.

Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым!»

Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
Добела вымыл он свое платье,
Сбросил шкуры – унесло их море,

Прекрасным стало его тело,
Новой повязкой главу повязал он,
Облаченье надел, наготу прикрыл он.

Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым.

Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.
Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:

«Гильгамеш ходил, уставал и трудился, —
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»

А Гильгамеш багор уже поднял,
Лодку к берегу он направил.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:

«Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
 Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
 Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
 И тайну цветка тебе расскажу я:
 Этот цветок – как тёрн на дне моря,
 Шипы его, как у розы, твою руку уколут.
 Если этот цветок твоя рука достанет, —
 Будешь всегда ты молод».

Когда Гильгамеш услышал это,
 Открыл он крышку колодца,
 Привязал к ногам тяжелые камни,
 Утянули они его в глубь Океана.
 Он схватил цветок, уколол свою руку;
 От ног отрезал тяжелые камни,
 Вынесло море его на берег.
 Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
 «Уршанаби, цветок тот – цветок знаменитый,
 Ибо им человек достигает жизни.
 Принесу его я в Урук огражденный,
 Накормлю народ мой, цветок испытаю:
 Если старый от него человек молодеет,
 Я поем от него – возвратится моя юность».

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
 Через тридцать поприщ на привал остановились.
 Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
 Спустился в него, окунулся в воду.
 Змея цветочный учуяла запах,
 Из норы поднялась, цветок утащила,
 Назад возвращаясь, сбросила кожу.
 Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
 По щекам его побежали слезы;
 Обращается к кормчему Уршанабиз
 «Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
 Для кого же кровью истекает сердце?
 Себе самому не принес я блага,
 Доставил благо льву земляному!
 За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
 Открывая колодец, потерял я орудья, —

Нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!

И на берегу я ладью оставил!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

И прибыли они в

Урук огражденный.

Гильгамеш ему вещает, корабельщику
Уршанаби:

«Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам
Урука,
Обозри основание, кирпичи ощупай —
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?»

Таблица XI.

«О всё выдавшем» – история Гильгамеша.

Согласно древнему подлиннику списано и

сверено.

(Позже была прибавлена таблица XII, являющаяся переводом шумерской
былины и сюжетно не связанная с остальными.)

Примечания

¹Урук – город на юге Месопотамии, на берегу Евфрата (ныне Варка). Гильгамеш – историческая фигура, царь Урука, правивший городом около 2600 г. до н. э.

²Эана – храм бога неба Ану и его дочери Иштар, главный храм Урука. В Шумере храмы были обычно окружены хозяйственными постройками, где держали урожай с храмовых имений; эти постройки сами считались священными.

³Иштар – богиня любви, плодородия, а также охоты, войны, покровительница культуры и Урука.

⁴«Идущий дальним путем» – мертвец.

⁵Шамаш – бог Солнца и правосудия. Его жезл – символ судебной власти.

⁶Эллиль – верховный бог.

⁷Хумбаба – чудовище-великан, охраняющий кедры от людей.

⁸Айа – невеста – богиня, подруга Шамаша, бога Солнца.

⁹Ануннаки – боги земли и подземного царства.

¹⁰Мамет – одна из Ануннаков, божеств земли, богиня, сотворившая людей.